

**Н.Н. ОГЛОБЛИН КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
СИБИРСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ XVII - НАЧАЛА XVIII в.**

© 2014 И.А. Силаева

Нижевартовский государственный университет

Поступила в редакцию 02.10.2014

В статье рассматриваются результаты изучения Н.Н. Оглоблиным многообразной жизни сибиряков, связанной с выполнением административных функций, взаимодействием с коренными жителями, установлением в Азиатской России XVII - начала XVIII в. порядков, во многом типичных для Московского государства.

Ключевые слова: Н.Н. Оглоблин, Сибирь, русское и инородческое население, бытовая история.

Известный отечественный архивист и историк конца XIX - начала XX в. Н.Н. Оглоблин, изучая обширную документацию Сибирского приказа, рассмотрел многообразные аспекты повседневного быта населения Азиатской России в эпоху позднего средневековья.

По мнению ученого, на жизнь сибиряков накладывали отпечаток различные факторы, среди которых были неурожаи, голод, непосильные повинности, нехватка служилых людей, захват людей в холопство, нерегулярная выдача жалованья, взаимодействие русских с инородцами.

По документам Н.Н. Оглоблиным установлены интересные факты относительно торговли, сбора ясака и пошлин на ярмарках, поиска новых форм производства (к примеру, селитры), распространения игровых карт, потребностей московского двора, которые должно было удовлетворять население Сибири.

Н.Н. Оглоблин обращал внимание на расширение границ Московского государства за счет освоения окраинных земель, коренное население которых теряло независимость. Исследователь на примере остяцких князей Алачевых и Пелымских рассмотрел политику Москвы, направленную на лишение самостоятельности провинциальных правителей. Ученым показано, что при описи алачевских вотчин в 1628 г. письменный голова В. Теприцкой и подьячий И. Костюрин выявили 260 утаенных князьями остяков. Часть из них было приказано обложить ясачной повинностью в пользу казны, а остальную часть оставить за Алачевыми. Позднее, в 1630 г., по просьбе князей Алачевых была проведена повторная перепись их владений сыном боярским А. Воейковым и подьячим М. Козловым, выявившими у кодских князей «дворовых, деловых», ясачных и ратных людей¹. Целью данных переписей было

стремление московского правительства подорвать влияние Алачевых и их самостоятельность. Этой цели содействовали получаемые от вотчинных остяков челобитные на их князей «в насильстве и в обиде и во всяком налоге». В 1645 г. (согласно челобитному делу о «даче» корма князю Д. Алачеву, приехавшему в Москву со всей семьей) Алачевы были вызваны в Москву без права возврата, утратив прежние владения².

Судьба князей Пелымских, по сведениям Н.Н. Оглоблина, оказалась более благополучна. Н.Н. Оглоблин рассмотрел челобитную (за февраль 1656 г.) князя С.А. Пелымского со сведениями о его длительной службе сыном боярским в Пелыме, заслугах в поисках ясачного населения, трудностях в обеспечении его семьи в Пелымской земле и с просьбой о переводе «на Верхотурье» с тем же окладом. После выполнения этой просьбы от С.А. Пелымского поступали еще две челобитные (в марте 1656 г. и в апреле 1657 г.) об увеличении денежного и хлебного жалованья для обеспечения семьи. Н.Н. Оглоблин отметил, что и две последние челобитные С.А. Пелымского были удовлетворены³.

Н.Н. Оглоблиным показано, что первые поселенцы стремились утвердиться на «Сибирской земле», но для создания семей им не доставало женщин. Так, по сведениям Н.Н. Оглоблина, к 1627 г. относится первая челобитная крестьянина И. Семенова от имени 20 товарищей, в которой енисейские пашенные крестьяне рассказывали о тяготах проживания в Сибири и обращались к правительству с просьбой направить к ним вольных женщин⁴. В ответ тобольский воевода князь А. Хованский «с товарищи» получил грамоту, предписывающую удовлетворить челобитную. Согласно отписке А. Хованского, деньги и лошади у крестьян появились, но «гулящих женок и девок не было послано», и впоследствии просьбы о поиске для крестьян вольных женщин повторялись⁵.

Силаева Ирина Александровна, кандидат исторических наук. E-mail: sheflera77@mail.ru

Н.Н. Оглоблиным зафиксированы и случаи решения вопроса о нехватке женщин в кругах служилых людей, в частности, о произвольном выборе ими себе женщин в сибирских городах, несмотря на оставленных в других городах жен и детей, о продажах служилыми своих жен и женщин, о насилиях над женами, принуждениях к «блуду», добровольном проживании русских женщин с детьми боярскими, о незаконном включении привозных жен в число крепостных, выдаче женщин и девушек из отобранного «ясыря» замуж⁶.

Как отмечает Н.Н. Оглоблин, сибирскими владыками организовывались «сыски» о противозаконных обращениях с женщинами и нарушениях семейной нравственности. Так, случаи незаконного венчания расследовались в 1626 г. архиепископом Макарием (относительно енисейского воеводы А.Л. Ошанина), а в 1643-1645 гг. – архиепископом Герасимом (по поводу нарымского воеводы И. Чаадаева)⁷.

Исследуя судьбы сибирских женщин, рассматривая их положение, Н.Н. Оглоблин приходит к выводу, что неуважительное отношение к женщинам было не только распространено на востоке России в XVII в., но и нередко становилось причиной инородческих бунтов.

Н.Н. Оглоблиным опубликована челобитная 1653 г. архиепископа Сибирского и Тобольского Симеона об избиении в церкви священником П. Протопоповым М. Иванова – жителя Красной Ницинской слободы Тюменского уезда. Причиной побоев было неуютное священнику единогласное пение. Избиению подверглась и жена челобитчика. Архиепископ тобольский и сибирский Симеон сообщил о пристрастии священника П. Протопопова к спиртным напиткам и необходимости его замены другим духовным лицом. В ответ на челобитную последовала грамота Сибирского приказа от 15 ноября 1653 г. в Тобольск князю В. Хилкову с товарищами с распоряжением отпустить М. Иванова, а П. Протопопова направить к архиепископу. Интересно, что Н.Н. Оглоблин назвал данную заметку «Ревнитель церковного благочиния»⁸.

Ученым была рассмотрена челобитная енисейского воеводы А. Пашкова (июль 1654 г.) в Москву с жалобой приказного человека Даурской земли Е. Хабарова на стольника Д.И. Зиновьева, который был направлен туда для замены Е. Хабарова, выдачи жалованья и досмотра края⁹. В связи с тем, что государева грамота, обычно имевшаяся при передаче дел, у Д. Зиновьева отсутствовала, Е. Хабаров отказался ему подчиниться. Зиновьев избил Хабарова и согласно челобитной последнего изъял многое из его имущества, включая ясырь (двух женщин и двух детей). Как отметил Н.Н. Оглоблин, на челобитной стояла собственноручная подпись Е. Хабарова¹⁰.

Н.Н. Оглоблин обратил внимание на дело 1650 г. о том, что сургутские служилые люди произносили непристойные речи о московском бунте. Известия об их высказываниях дошли и до воеводы Нарымского острога А. Нарбекова. В связи с периодически возникавшими волнениями в Сибири и из-за боязни Нарбекова таких «шатостей» воевода подал жалобу на нарымских казаков, узнавших про речи сургутских. Нарбеков жаловался и на угрозы убийства, заговоры против него. Несмотря на приказ Нарбекова собирать ясак, нарымские казаки ему не повиновались, и ясачные прекратили сдачу ясак. «Сыск» о неповиновении воеводе Нарбекову был проведен в 1650 г. Н.Н. Оглоблин отметил, что в документах сыска зафиксированы угрозы от нарымских казаков в адрес не только местных, но и московских властей за их злоупотребления. Историк признал данное дело отголоском в Сибири московских смут¹¹.

По указанию Н.Н. Оглоблина, в 1701 г. поступила челобитная калмычки Е. Федоровой с изложением истории ее пленения и просьбой об освобождении. Е. Федорова сообщала об увозе ее тюменским татаринном из родных мест, последующем ее побеге и крещении в Тюмени, увозе в Москву проезжавшим из Сургута воеводой стольником А.А. Юшковым. Об освобождении от Юшкова Е. Федорова направила челобитную и была отпущена, но потом задержана на несколько лет дьяком Сибирского приказа А. Парфеновым, который при переезде в Сибирь передал ее дьяку приказа Большого дворца В. Юдину. Е. Федорова была также передана тюменскому сыну боярскому Ф. Опрокидневу с товарищами для передачи ее тому, кто имел на нее «крепость». Дело о Е. Федоровой содержало и приказ дьяка А.А. Виниуса об освобождении калмычки от В. Юдина и от холопства вообще и распоряжение в Тюмень Е. Федорову не направлять. Для закрепления свободы Е. Федоровой была в 1701 г. выдана выписка с изложением хода дела. Н.Н. Оглоблиным отмечено, что на выписи стояла подпись переводчика Посольского приказа Ф. Мунгалова, ходатайствовавшего за освобождение калмычки¹².

Н.Н. Оглоблин рассмотрел купчую на калмычку (1705 г.) из Книги записной кабалам и всяким крепостям города Тары. В документе зафиксирована продажа 7 мая тарским юртовским служилым татаринном Н. Чуваевым своей купленной калмычки Курекуйки тобольскому юртовскому бухаретину М. Шиху. При продаже был свидетелем пятидесятник конных казаков А. Сумин¹³.

Н.Н. Оглоблиным было рассмотрено и челобитное дело (февраль 1701 г.) тарского воеводы стольника М.И. Воронцова-Вельяминова, где

говорилось о просьбе сибирских татар продавать детей. В качестве причины челобитья ясачные татары Тарского уезда сообщали следующее: голод после разграбления их волостей калмыками в 1692 г., неурожай хлеба, сокращение зверей в лесах, рыбы в водоемах, смертность населения от голода, трудности сбора ясака. М.И. Воронцов-Вельяминов, а также ясачные сборщики дети боярские И. Костелецкой, И. Свидаерской и другие подтверждали плачевное состояние татар, их безденежье, голод, невозможность сбора ясака, высокую смертность. Согласно приговору Сибирского приказа (от 6 сентября 1701 г.) Петром I было запрещено продавать, закладывать, покупать ясачных людей под угрозой смертной казни. В качестве альтернативы татарам предлагалось отдавать дочерей, сестер, племянниц в замужество своим же иноземцам, а не русским. В приговоре это предписание объяснялось необходимостью поддерживать количество иноземного населения¹⁴.

Н.Н. Оглоблиным приведен интересный случай рассмотрения Сибирским приказом вопроса о торговле игровыми картами и их использовании сибиряками. Так, в 1701 г., по свидетельству ученого, допрашивались приезжавшие из-за Урала в Москву служилые люди. Было установлено, что в карты не играли жители Томска, Красноярска, Кузнецка; относительно Нерчинска, Иркутска и Селенгинска выяснилось, что карты в эти города не поступали. Власти знали, что с их появлением посадские и пашенные люди могут отвлечься от своей повседневной деятельности, станут проигрывать имущество¹⁵. Любопытным Н.Н. Оглоблин находит тот факт, что данное обстоятельство затем не было принято во внимание и в Сибири была введена продажа карт, поскольку эта разорительная для сибиряков мера давала небольшую прибыль государевой казне¹⁶.

Интересным считает Н.Н. Оглоблин челобитье о часовщике в Таре. Согласно документу 1701 г., направленному в адрес Сибирского приказа, тарские служилые люди собрали деньги и приобрели боевые часы для города. В связи с тем, что в Таре отсутствовал часовщик, но казачий сын П.Н. Маслов разбирался в часовом деле, местные жители просили назначить его на должность часовщика с годовым окладом. Н.Н. Оглоблин заметил, что результат челобитья остался неизвестен, но, учитывая то, что в близлежащих городах имелись часовщики, вероятно, просьба была удовлетворена¹⁷.

Н.Н. Оглоблин находил интересной грамоту от 8 января 1702 г., адресованную березовскому воеводе стольнику Л.Ф. Хрущову, предписывающую отыскать самоедских шаманов – трех

или четырех человек, проверить их и бережно сопроводить до Москвы¹⁸.

Н.Н. Оглоблин считал, что нигде, кроме Сибири, самостоятельность воевод не доходила до такой крайности, как своеволие. Ученый считает это примечательным, характеризуя отношения духовных и светских властей в XVII в. Так, воеводы противозаконно намеревались подчинить себе духовную власть¹⁹.

Н.Н. Оглоблиным отмечен указ от конца 1701 г., поступивший от Сибирского приказа, предписывающий под руководством верхотурского воеводы стольника К.П. Козлова собрать у ясачных людей 10 живых добротных соболей и 10 пудов каменного магнита для последующей отправки государю. В документе содержится указание кормить соболей во время доставки в Москву²⁰.

Н.Н. Оглоблиным выявлен факт отправки чая из Иркутска в Москву. Привезенный чай в количестве 1647 бахчей был передан М. Чирьеву – гостю Сибирского приказа, с предписанием продать. Иркутские служилые люди, доставившие чай в Москву, назвали М. Чирьеву стоимость продажи чая в Иркутске. Н.Н. Оглоблин заключал, что чай в начале XVIII века был мало распространен в России, включая Сибирь²¹.

Якутские служилые люди предприняли попытку составить челобитную от имени инородцев, но после появления на ней их знамен, по мнению Н.Н. Оглоблина, челобитная не приобрела большого значения, так как неграмотные коренные жители без труда ставили свои знамена на любых документах, не выясняя обстоятельства, по которым требовалась подпись.²²

Н.Н. Оглоблиным выявлено большое количество документов со знаменами инородцев²³. К примеру, к 1628 г. относится перепись вотчин князей Алачевых под руководством письменного головы В. Теприцкого и подьячего И. Костюрина. Московское правительство усомнилось в данных этой переписи и направило в 1630 г. других лиц (сына боярского А. Воейкова и подьячего поместного приказа М. Козлова). Привезенные последними «дозорщиками» материалы переписи содержали разнообразные знамена остяков²⁴.

Рассматривая бытовую историю сибирских инородцев, Н.Н. Оглоблин отмечал, что соответствующих материалов очень мало. Ученый писал, что ясачная повинность таких народов со служила немалую службу России, содействуя улучшению ее финансового положения в XVII столетии. Историк подчеркнул, что повседневный быт инородческого населения тесно переплетался с жизнью малочисленного в тот период сибирского русского населения. Это, как отметил ученый, прослеживается по документам, имеющим прямое или косвенное отношение к

остякам, тунгусам, якутам, бурятам, камчадалам и другим коренным народам²⁵.

Итак, Н.Н. Оглоблин выяснил, что документы Сибирского приказа обнаруживают любопытные черты повседневности XVII в., влияние на которые накладывали и политика правительства, и местное духовенство, и вовлечение в многообразную административную деятельность, и взаимодействие русских с инородческим населением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Оглоблин Н.Н. Остяцкие князья в XVII веке // Югра. 1997. №10. С.20.

² Там же. С.21.

³ Там же. С.23.

⁴ Оглоблин Н.Н. Женский вопрос в Сибири XVII в. // Исторический вестник. 1890. №7. С.196-197.

⁵ Там же. С.198.

⁶ Там же. С.199-201.

⁷ Там же. С.203-204.

⁸ Оглоблин Н.Н. Бытовые черты XVII в. // Русская старина. 1892. №3. С.678-679.

⁹ Там же. С.679.

¹⁰ Там же. С.680.

¹¹ Там же. С.680-681.

¹² Оглоблин Н.Н. Бытовые черты начала XVIII в. М., 1904. С.1-3.

¹³ Там же. С.18.

¹⁴ Там же. С.3-5.

¹⁵ Там же. С.5.

¹⁶ Там же. С.6.

¹⁷ Там же. С.8.

¹⁸ Там же. С.9.

¹⁹ Оглоблин Н.Н. Дело о самовольном приезде в Москву Тобольского архиепископа Симеона в 1661 г. // Русская старина. 1893. Октябрь. С.162, 166.

²⁰ Оглоблин Н.Н. Бытовые черты начала XVIII в. ... С.10.

²¹ Там же. С.10-11.

²² Там же. С.19-21.

²³ Оглоблин Н.Н. Остяцкие «знамена» XVII века // Исторический вестник. 1889. Т.38. №10. С.136.

²⁴ Там же. С.137.

²⁵ Там же. С.135.

N.N. OGLOBLIN AS THE RESEARCHER OF THE SIBERIAN DAILY LIFE OF 17th – THE BEGINNING OF THE 18th CENTURY

© 2014 I.A. Silayeva

Nizhnevartovsk State University

The article is devoted to the studies of the daily life of Siberians by N.N. Ogloblin. In his papers he addressed such aspects of the daily life as the performance of administrative functions by Siberians, their interactions with the aboriginals of Siberia; he argued that the order established in the Asian Russia in the 17th – the early 18th century was largely typical for the Moscow state.

Keywords: N. N. Ogloblin, Siberia, russians and «Alien» population, history of daily life.